

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 9 | Пятница, 18 (31) марта 1905 г. | № 9

Генералъ-адъютантъ
баронъ Мейендорфъ,
сломавшій себѣ ключицу и отправленный въ Харбинъ.

Подполковникъ 11-го семипалатинскаго полка
А. П. Коренскій,
убитый въ бою у Шахе.

Подполковникъ 219-го юхновскаго полка
Г. Г. Сухотинъ,
убитый въ бою подъ Мукденомъ.

Армія отступаетъ по Мандаринской дорогѣ.
Съ наброска англійскаго корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Поэтъ науки.

... Наши отцы зачитывались въ дѣтствѣ передѣлками Вальтеръ Скотта, Фенниморомъ Куперомъ, у нашихъ старшихъ братьевъ былъ Майнъ-Ридъ, а онъ, этотъ прекрасный романтикъ науки, свѣтлый фантазеръ, мечтавшій о могучихъ побѣдахъ знанія надъ стихіей и земною ограниченностью и пророчествовавшій о человѣкѣ-полубогѣ, побѣждающемъ время и пространство, огонь и воду, грозу и дикаго звѣря, нашъ прекрасный Жюль-Вернъ былъ властителемъ думъ, именно нашихъ, тѣхъ, кому тогда было отъ восьми до семнадцати, а теперь тридцать—сорокъ.

Тогда еще трудно было найти его портретъ, его книгамъ еще не предпосылалось біографическихъ очерковъ, и онъ былъ для насъ таинственнымъ, невѣдомымъ, но неотразимо влекущимъ незнакомцемъ, такъ страшно далекимъ и такъ странно близкимъ. Онъ побѣдилъ нашъ умъ, нашу фантазію, властно врѣзался въ строй нашего мышленія, въ наши мечты о будущемъ, въ наши игры.

Въ тѣ годы, когда еще почти понятенъ языкъ животныхъ, и фантазія обладаетъ чуднымъ даромъ превращать гряды лопуха въ необъятное море, а опрокинутую тачку въ великолѣпный Наутилусъ,—мы воображали себя капитаномъ Нэмо, загадочнымъ, по сильнымъ, великимъ, прекраснымъ, мысленно слѣдили вмѣстѣ съ нимъ плѣнительныя чудеса моря, охотились за подводными животными, налетали, какъ Божій громъ, на чинившихъ несправедливость и возстановляли оскорбленную правду. Мы спускались съ Арнами Сакнуссемами въ жерла потухшихъ вулкановъ, преодолѣвали всѣ препятствія съ отважнымъ изслѣдователемъ Гаттерасомъ, снаряжались въ Индію съ разсѣяннымъ Паганелемъ, взлетали на ядрѣ или воздушномъ шарѣ черезъ океанъ необъятныхъ небесъ на луну или къ марсіанамъ.

Тогда мы умѣли дѣлать это, оставаясь все время въ опрокинутой тачкѣ и не выходя изъ своего сада, казавшагося тогда такимъ огромнымъ—огромнымъ...

Мы любили его до самозабвенія. Это была поистинѣ наша первая литературная любовь, которой было суждено сплетаться и съ настоящею нашею первою любовью,—съ первымъ пробужденіемъ неясныхъ, прекрасныхъ чувствъ, перваго таинственнаго любопытства къ нашимъ одиннадцати или четырнадцатилѣтнимъ подругамъ изъ любознательнаго сословія гимназистокъ. Шекспировъ, Шиллеровъ и Пушкиныхъ мы тогда еще не могли полюбить. Еще слишкомъ далеко отъ насъ мерцали ихъ ослѣпительныя звѣзды. Повторяю, мы любили его до самоотверженія. Нѣкоторые изъ нашихъ сверстниковъ, ради него, бросали гимназію и съ двумя рублями въ карманѣ, съ десяткомъ буттербродовъ въ сумкѣ, прямо послѣ большой перемѣны, направлялись пѣшкомъ въ Патагонію или къ подножію Этны. Пусть ихъ возвращали съ Сиверской или съ Любани, но, вѣдь, порывъ-то былъ необъятный, а, разумѣется, съ двумя рублями недалеко уѣдешь, да и слишкомъ ужъ грустно въ десять лѣтъ покинуть навсегда отца, мать и мелкихъ братишекъ, милую дѣтскую, старую няньку...

Болѣе холодные, менѣе воспламеняющіеся, мы не предпринимали путешествій въ Австралію и въ сильвасы. Но мы тоже любили его до самопожертвованія и мы засвидѣтельствовали это своими страданіями. Мы трепетали на урокахъ, къ которымъ не подготовились изъ-за этого прекраснаго фантазера, отнявшаго у насъ весь вечеръ. Мы мужественно встрѣчали единицы въ клѣткахъ журнала противъ нашихъ фамилій. Сколько разъ суровая рука гувернера или учителя отнимала отъ насъ эти увлекательные томики, когда мы, съ головой ушедшіе въ дѣла дѣтей капитана Гранта или въ приключенія Филеаса Фога, не замѣчали, какъ бдительные аргусы накрывали насъ на чтеніи скошенными глазами этихъ книгъ украдкой, подъ партой, во время урока, подъ прикрытіемъ лежащихъ наверху на столѣ Кесслера или Ходобая!..

Наши первыя спутницы жизни раздѣляли наше увлеченіе прекраснымъ чужестранцемъ, царемъ свѣтлаго и бодрящаго вымысла. Въ свѣтлые лѣтніе вечера мы передавали имъ плѣнительныя сказки, такъ неотличимыя отъ были, которыя намъ нашепталъ этотъ волшебникъ. Мы бѣжали къ нашимъ товарищамъ и подругамъ, когда приходила новая книжка съ продолженіемъ романа, и глаза наши горѣли радостью.

— Знаешь, кто оказался капитанъ Нэмо? Представь...

— Ради Бога, не говори... Не смѣй... Видишь, я закрыла уши... Не слушаю... не слушаю... Я сама прочитаю...

И странный, задумчивый, загадочный властитель моря, Нэмо, обращавшійся въ индійскаго принца, надолго наполнялъ наше воображеніе, и книга, какъ святыня, проходила десятки маленькихъ рукъ, и надъ ея страницами трепетали десятки маленькихъ сердецъ. Мы не ходили на обѣдъ, пропускали чай изъ-за этого „Таинственнаго Острова“, и когда сверстники приходили изъ столовой, и классъ опять наполнялся жужжаніемъ улья,—мы все такъ же сидѣли, склонившись надъ увлекательнымъ сказаніемъ француза - мечтателя. Гдѣ наша юность, гдѣ наша свѣжесть!..

Помню, какъ въ тѣ далекіе годы, когда мысль впервые начинала синтетически воспринимать книгу и автора, и когда казалось высшимъ идеаломъ будущаго—дѣлать такія книги, какія дѣлалъ Жюль-Вернъ,—я представлялъ его вѣчнымъ путешественникомъ, перелетающимъ сушу и водныя пространства, отважнымъ искателемъ приключеній, красокъ и цвѣтовъ жизни, вродѣ Гаттераса, чѣмъ-то, какъ сравнилъ бы теперь, вродѣ нашего симпатичнѣйшаго въ своей писательской непосѣдливости Вас. Ив. Немировича-Данченко. Я видѣлъ его на аэростатахъ и паровыхъ яхтахъ, сегодня въ Калифорніи, завтра у дышащаго пламенемъ Везувія, въ оглушающемъ шумѣ парижской площади или на улицѣ Нью-Іорка на запыхавшемся автомобилѣ. И помню, какъ позднѣе меня изумило,—какъ, вѣроятно, это изумляло и всѣхъ другихъ,—что онъ живетъ въ Амьеннѣ, въ двухъ часахъ ѣзды отъ Парижа, что ужъ много лѣтъ, какъ онъ не видалъ столицы, несмотря на ея близость, что даже Эйфелева башня ему извѣстна только по рисункамъ и описаніямъ, что дальше маленькаго сада, въ которомъ скромно утонулъ его маленькій домикъ, или, въ крайнемъ случаѣ, дальше амьеннскихъ улицъ не путешествуетъ этотъ неутомимый путешественникъ.

— Почему же при такихъ условіяхъ не съѣздить въ Парижъ?—спрашивалъ его, очевидно, столь же изумленный интервьюэръ.

— Ѣхать въ Парижъ? удивился Жюль Вернъ. Зачѣмъ? Воздухъ, которымъ я дышу здѣсь, чистъ и здоровъ. Онъ успокаиваетъ нервы и укрѣпляетъ мозгъ. Нѣтъ, я отказался отъ Парижа!

Онъ много путешествовалъ въ прошломъ? Тоже нѣтъ, „Онъ плавалъ въ Ламаншѣ, былъ на Средиземномъ морѣ, и дальше этого его любопытство не пошло. Зачѣмъ искать волненій въ опасныхъ путешествіяхъ, въ приключеніяхъ, полныхъ неожиданностей, когда есть географія Реклю, когда существуютъ хорошія географическія карты, когда научныя сочиненія даютъ просторъ для фантазіи и для предсказаній? Жюль Вернъ никогда не занимался никакимъ спортомъ, никакой охотой; рыбная ловля всегда казалась ему варварскимъ занятіемъ, а всѣ роды охоты возбуждали ужасъ. Во всю свою жизнь онъ стрѣлялъ только одинъ разъ и случайно попалъ при этомъ въ шляпу проходившаго жандарма, который привлекъ злополучнаго стрѣлка къ суду исправительной полиціи; съ тѣхъ поръ Жюль-Вернъ поклялся не возобновлять охотничьихъ попытокъ. Тотъ литературный жанръ, который доставилъ ему извѣстность, найденъ имъ случайно, и смѣлость описываемыхъ подвиговъ нисколько не соотвѣтствуетъ мирной и созерцательной натурѣ автора“.

Такъ онъ путешествовалъ по сушѣ, морю и воздуху, въ нѣдрахъ земли и въ безднахъ океановъ, по лунѣ и Марсу, обладая секретомъ зажигать жизнь всюду, куда направлялъ вниманіе. „Онъ неизмѣнно работалъ отъ 7-ми до 11-ти часовъ утра надъ правкой или созданіемъ своихъ рукописей. За этими часами письменной работы слѣдовало собираніе документовъ изъ журналовъ, газетъ, научныхъ сочиненій, всего больше изъ географіи Реклю. Вечеромъ вновь начиналось писанье, и такъ длилось постоянно, изо-дня въ день, изъ года въ годъ, безъ измѣненій, безъ большихъ страстей, мирно, правильно, въ полномъ довольствіи“.

Такъ, систематически, изъ года въ годъ, по условію съ издателемъ Гетцелемъ, онъ создавалъ по два романа, нагромождая книгу на книгу и строя колоссальную пирамиду во французской литературѣ, отражавшуюся ничуть не меньшими громадами въ другихъ литературахъ, не исключая и нашей. Незадолго до его смерти, газеты сообщали о „сотомъ“ романѣ Верна. Слѣпой, онъ уже диктовалъ его женѣ. Кажется, однако, и это произведеніе не оказалось послѣднимъ. Литературный багажъ его, такимъ образомъ, измѣряется не десятками, а десяткомъ десятковъ.

Вернъ слѣдилъ за наукой влюбленнымъ глазомъ, иллюстрировалъ ее, облекалъ формулу физики или химіи въ плоть и кровь. Мы страшно обязаны ему и не столько матеріальнымъ обогащеніемъ ума,—въ сущности, многое-ли осталось въ памяти отъ его популярныхъ описаній изъ всѣхъ областей знанія?—сколько тѣмъ благоговѣніемъ къ наукѣ, тѣмъ пробужденіемъ жажды къ знанію, преклоненіемъ предъ человѣческимъ геніемъ, какое онъ внушалъ каждою своею книгою отъ первой до послѣдней. Весь его огромный жизненный трудъ—апоѳеозъ этого человѣческаго генія, вызывавшаго въ немъ экстазъ восторга. Фантазируя, онъ вѣрилъ, что его выдумка совсѣмъ ужъ не такъ далека отъ возможной правды. И жизнь оправдала его, превративъ потенціальное въ существующее. Не правда-ли, нѣкоторые его романы стали теперь почти анахронизмами? За десятки лѣтъ онъ предсказалъ то, къ чему наука дошла только теперь. Тогда еще не могло быть и мысли объ автомобилѣ, когда онъ писалъ „Паровой домъ“. „Пять недѣль на аэростатѣ“ пророчествовали о тѣхъ примѣненіяхъ воздушнаго шара, которые стали возможными только теперь. Ужаснаго примѣненія маленькихъ Наутилусовъ — подводныхъ лодокъ—съ трепетомъ ждали недавно обѣ воюющія стороны въ водахъ Дальняго Востока. Безпроволочный телефонъ, радій, рентгеновскіе лучи не опередили-ли самую смѣлую фантазію этого волшебника вымысла? И если не совсѣмъ опередили, то не ясно-ли, что рано или поздно опередятъ ее?

И самъ Вернъ былъ глубоко убѣжденъ, что его книгамъ нѣкогда придется стать анахронизмомъ и отсталостью, но это будило въ немъ,

конечно, не сожалѣніе за свою писательскую смерть, а радость за будущее счастье человѣчества.

— „Двадцатый вѣкъ проявитъ себя смѣлымъ,—сказалъ онъ одному интервьюэру—и создастъ эру. Еще немного времени, и наши телефоны и телеграфы покажутся смѣшными, а желѣзныя дороги слишкомъ шумными и отчаянно медленными. По рельсамъ будутъ ѣздить съ быстротой до 300—500 верстъ въ часъ. Культура проникнетъ въ самые глухіе деревенскіе углы. Никто не хотѣлъ вѣрить въ осуществимость моей идеи проведенія сибирской дороги. Сегодня этотъ путь уже готовъ, а черезъ 15 лѣтъ, быть можетъ, будутъ готовы и другіе великіе стратегическіе пути. Два американца проектируютъ уже линію Чикаго—С.-Луи, прямую, какъ стрѣла.

Водопады дадутъ вшестеро больше двигательной энергіи. Сила Ніагарскаго водопада отчасти уже эксплуатируется... Одновременно разрѣшаются задачи воздухоплаванія. Дно океана станетъ предметомъ широкаго изученія и цѣлью путешествій; оно будетъ имѣть своихъ мучениковъ, свои собственныя трагедіи. Настанетъ день, когда люди сумѣютъ эксплуатировать нѣдра океана такъ же, какъ теперь золотыя розсыпи. Моя жизнь была полнымъ-полна дѣйствительными и воображаемыми событіями. Я видѣлъ много замѣчательныхъ вещей, но еще болѣе удивительныя создавались моей фантазіей. И все же я чувствую, что **слишкомъ рано пришлось мнѣ совершать свой земной путь, и сердце мое полно грусти, что нужно проститься съ жизнью на порогѣ эпохи, которая обѣщаетъ столько чудесъ!**"

На долю Моисеевъ рѣдко выпадаетъ счастье входа въ землю обѣтованія. Они видятъ ее только издали, съ горной вершины. Но не будь Моисеевъ, жизнь человѣчества была бы вѣчнымъ блужданіемъ въ пустынѣ.

А. Измайловъ.

Гипнотизмъ и внушеніе въ медицинѣ.

Salus aegroti,—suprema lex esto.

III *).

Внушеніе въ хирургіи (казуистика лѣченія гипнозомъ).

Гипнотическое внушеніе съ успѣхомъ примѣняется въ хирургіи. Первыя хирургическія операціи въ гипнотическомъ снѣ производились уже въ 1821 году въ парижскихъ госпиталяхъ подъ руководствомъ барона du Potet. Нѣсколько серьезныхъ операцій были совершены въ 1829 году извѣстнымъ хирургомъ Жюлемъ Клоке, которому пришлось выдержать большую борьбу со своими коллегами хирургами, которые не допускали возможности примѣненія гипнотизма при операціи. Но факты говорили сами за себя и успѣли до извѣстной степени убѣдить обскурантовъ.

Въ послѣднее время подобное примѣненіе гипнотизма нашло широкое примѣненіе во многихъ госпиталяхъ Франціи, Австріи и Швейцаріи.

Гипнотическимъ внушеніемъ можно вызвать анестезирующее (безболѣзненное) дѣйствіе въ любомъ мѣстѣ организма человѣка, подвергающагося операціи.

Конечно, и въ хлороформѣ, и эфирѣ имѣется прекрасное анестезирующее средство.

Случается, что вслѣдствіе состоянія здоровья оперируемаго его нельзя хлороформировать; тогда гипнотизмъ и внушеніе вполнѣ умѣстны и вполнѣ способны замѣнить вредный для оперируемаго наркозъ отъ хлороформа.

Гипнотическое внушеніе можетъ быть съ успѣхомъ примѣнено и въ акушерствѣ.

Путемъ внушенія, безусловно, можно сдѣлать роды безболѣзненными. Не мѣсто здѣсь, въ газетной статьѣ, вдаваться въ подробныя объясненія этого метода, но могу сказать, что въ гипнотическомъ внушеніи акушерство пріобрѣло прекраснѣйшее средство для безусловнаго обезболѣванія процесса родовъ.

Говоря о гипнотизмѣ и внушеніи, я не могу не иллюстрировать примѣрами то разительное дѣйствіе, которое производитъ этотъ способъ лѣченія на многія страданія у людей.

Занимаясь уже около 20 лѣтъ этимъ вопросомъ въ различныхъ больничныхъ заведеніяхъ Россіи, Франціи, Германіи, Италіи и другихъ государствахъ Европы и Америки, мнѣ приходилось наблюдать чрезвычайно интересные эффекты излѣченія путемъ внушенія.

Я подѣлюсь съ читателями съ нѣкоторыми изъ этихъ случаевъ, причемъ коснусь самыхъ отдаленныхъ по времени случаевъ, чтобы можно было по нимъ заключить о продолжительности вліянія гипнотическаго внушенія на больныхъ.

———

Истеро-эпилепсія. Слѣпота и глухота. — (Случай, происшедшій въ Москвѣ, въ Голицынской больницѣ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1886 г.).

Больная Т., съ наслѣдственнымъ расположеніемъ къ заболѣваніямъ нервной системы и головокруженіемъ, заболѣла первымъ истеро-эпилептическимъ припадкомъ послѣ смерти своей матери, когда ей было 15 лѣтъ. Съ этихъ поръ приступы не оставляли ее до мая 1884 г. т. е. въ продолженіе 9-ти лѣтъ, до 24-хъ лѣтняго ея возраста. Одновременно съ припадками больная постепенно стала забывать цвѣта въ теченіе приблизительно 2-хъ лѣтъ и дошла до состоянія цвѣтной слѣпоты, причемъ могла различать только 3 цвѣта: бѣлый, черный и красный.

Проживъ лѣто 1882 года въ деревнѣ, она настолько оправилась, что могла занять мѣсто преподавательницы, обязанности которой исполняла всегда съ замѣчательнымъ рвеніемъ.

Мотивомъ отказа ея отъ мѣста послужило то обстоятельство, что она во время уроковъ неоднократно засыпала. Возникшія затѣмъ тяжелыя обстоятельства ввергли ее снова въ сильное болѣзненное состояніе, тѣмъ тяжелѣе на ней отразившееся, что къ прежнимъ явленіямъ прибавилась **слѣпота на оба глаза.**

24-го января 1884 года она поступаетъ въ московскую Голицынскую больницу въ отдѣленіе д-ра А. Каспари.

Въ февралѣ 1886 г. я увидѣлъ ее впервые въ палатѣ Голицынской больницы, когда я былъ приглашенъ съ цѣлью примѣнить къ ней лѣченіе внушеніемъ.

Нашелъ я у ней тогда слѣдующее: **абсолютная слѣпота праваго глаза, цвѣтная слѣпота лѣваго, полная глухота праваго уха, потеря обонянія и вкуса, очень сильная боль въ позвоночникѣ и затѣмъ полнѣйшее отвращеніе къ мясной пищѣ.**

Я ее загипнотизировалъ въ первый же сеансъ,—она оказалась очень воспріимчивой къ гипнозу.

Я отрѣшилъ ее отъ всѣхъ ея болѣзненныхъ симптомовъ въ два сеанса.—Она окончательно выздоровѣла и вскорѣ выписалась изъ больницы совершенно здоровой. Съ тѣхъ поръ прошло уже 19 лѣтъ, и г-жа Т. по сію пору здорова и никакого рецидива у нея не замѣчалось.

Параличъ обѣихъ ногъ. (Случай, наблюдавшійся мною въ г. Ковно, весною 1886 г., въ городской больницѣ).

Больная дѣвица Ш.—18-ти лѣтъ, хорошаго сложенія и питанія, заболѣла въ 1882 году разными истерическими припадками, и въ моментъ моего посѣщенія ея у нея было слѣдующее: параличъ обѣихъ ногъ, сердцебіеніе, головныя боли, безсонница, отвращеніе къ мясной пищѣ.

На 3-мъ сеансѣ въ городской больницѣ мнѣ удалось сдѣлать ей внушеніе въ смыслѣ возстановленія всѣхъ утерянныхъ функцій. Результатъ внушенія сейчасъ же получился отличный: такъ, больная, которая до внушенія не могла даже стоять на ногахъ, послѣ сдѣланнаго ей внушенія свободно пошла. Параличъ ногъ исчезъ у нея совершенно. Эта паціентка и по сію пору здорова. Со времени ея излѣченіи прошло около 19-ти лѣтъ. Рецидивовъ болѣзни у нея никогда не было.

Параличъ конечностей, упорные запоры. (Случай въ Москвѣ, въ іюлѣ 1892 г.).

Больная г-жа Х. жена инженера. Начало болѣзни ея относится ко времени начала 80-хъ годовъ. Началось съ сильнѣйшей головной боли; затѣмъ она стала страдать болями вдоль позвоночника, Малѣйшее прикосновеніе было болѣзненно. Затѣмъ сдѣлался параличъ конечностей, упорные запоры, кромѣ того, ко всѣмъ заболѣваніямъ присоединилось задумчивость и мрачное настроеніе. Несмотря на произведенныя два раза весьма серьезныя операціи:—вскрытіе брюшной полости—laparatomia и hysterotomia, изъ нихъ одна была сдѣлана въ Москвѣ проф. Снѣгиревымъ, а другая въ Берлинѣ проф. Olshausen'омъ, все-таки состояніе ея здоровья нисколько не улучшилось—она все продолжала болѣть. Въ теченіе послѣдняго же времени присоединилось сильное отсутствіе аппетита,—она выпивала только одинъ стаканъ молока, все же остальное вызывало у нея рвоту, иногда съ кровью. Удалось мнѣ ее загипнотизировать лишь на 2-мъ сеансѣ, причемъ я внушилъ ей, что она совершенно здорова, можетъ ходить и избавлена отъ всѣхъ ея страданій.

Съ того времени прошло уже болѣе 12-ти лѣтъ, и въ теченіе этихъ лѣтъ время отъ времени я получаю отъ нея письма. Она совершенно здорова.

Потеря голоса. (Случай, наблюдавшійся мною зимою 1893 г. на квартирѣ профессора Геринга, въ Варшавѣ).

Какъ на характерный случай невроза ослабленія функціи голосовыхъ связокъ (афонія), я могъ бы указать на больную Г. въ Варшавѣ.

Болѣе года, какъ г-жа Г. стала страдать горломъ и затѣмъ совершенно лишилась голоса. Впервые видѣлъ я ее въ то время, когда ее наблюдалъ профессоръ Герингъ, по предложенію котораго я сталъ гипнотизировать эту больную. Я внушилъ ей, что она совершенно здорова и свободно владѣетъ голосомъ. И здѣсь получился прекрасный результатъ. Прошло уже 11 лѣтъ съ момента внушенія, и г-жа Г., теперь практикующая женщина-врачъ въ г. Поневѣжѣ, совершенно здорова.

Психическая астма.

Г. В—овъ, купецъ, 38 лѣтъ. Отецъ большого семейства, житель г. Ростова-на-Дону, 6 лѣтъ страдаетъ приступами одышки.

Припадки эти не давали ему покоя ни днемъ, ни ночью. Все время онъ вынужденъ былъ проводить на открытомъ воздухѣ, чтобы облегчить свои страданія. Даже зимою, ночью онъ спалъ при открытомъ окнѣ.

При изслѣдованіи его нашли, что легкія у него вполнѣ здоровы, не было у него ни бронхіальнаго катарра, ни эмфизе-

*) См. „Огонекъ" № 5.

Полковникъ И. А. Тохателовъ,
герой Портъ-Артура, награжденный орденомъ св. Георгія.

Подполковникъ 285-го пѣхотнаго мценскаго полка
М. Н. Розановъ,
раненый въ бою у Мукдена.

Начальникъ 5-й стрѣлковой бригады, ген.-маіоръ
А. К. Петровъ,
раненый въ бою у Сандепу.

мы. Лѣчился электричествомъ и другими средствами, но безрезультатно.

Характерная особенность при этомъ у него наблюдалась: стоило ему выѣхать куда-нибудь изъ Ростова-на-Дону въ какой-нибудь другой городъ, — припадки астмы у него совершенно прекращались. По своему положенію, онъ не могъ совершенно выѣхать изъ Ростова и долженъ былъ оставаться въ этомъ городѣ.

Въ 1902 году, лѣтомъ, я впервые его гипнотизировалъ. Онъ поддался гипнозу на 7 сеансѣ, и я сдѣлалъ ему соотвѣтствующее внушеніе.

Съ тѣхъ поръ прошло уже около 15-ти лѣтъ, и у него не возобновлялись припадки. Онъ совершенно выздоровѣлъ.

Параличъ конечностей, при необычайномъ исхуданіи тѣла.

Больной Л. юноша 22 лѣтъ. Житель Бѣлостока. Съ 9-лѣтняго возраста сталъ отказываться отъ пищи. Наступила страшная слабость всего организма, и онъ слегъ въ постель. Онъ уже не вставалъ съ нея до 22-лѣтняго возраста. Ноги его окончательно парализовались, и варшавскіе врачи Нуебаумъ и проф. Барановскій сочли его уже неизлѣчимымъ. Во время моего пребыванія въ Бѣлостокѣ осенью 1899 г. мѣстный врачъ Форштеттеръ показалъ мнѣ этого паціента, предложивъ мнѣ сдѣлать ему внушеніе. Такъ какъ не было никакихъ противопоказаній противъ его гипнотизированія, я и рѣшился приступить къ больному. Я засталъ его въ слѣдующемъ состояніи. Онъ лежалъ въ постели окончательно безъ ногъ. Тѣло его страшно исхудало и буквально состояло изъ скелета, обтянутаго кожей. Больного кормили молокомъ, — это единственная пища, которой онъ питался за послѣдніе годы, иногда его кормили питательными клизмами. Въ первый же сеансъ мнѣ удалось его загипнотизировать, и я сдѣлалъ ему внушеніе произвести движеніе ногами и затѣмъ встать. Цѣлыхъ 10 лѣтъ

Отступая, армія разрушаетъ мосты и желѣзнодорожный путь.
Съ наброска корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Полковникъ Н. Г. Горчаловскій,
командиръ 87-го пѣхотнаго нейшлотскаго полка.
Произведенъ въ полковники за отличіе въ бояхъ.

больной не владѣлъ ногами и подъ вліяніемъ внушенія онъ впервые всталъ на ноги. „Устойчивѣе, устойчивѣе стойте, сохраните равновѣсіе!"—внушалъ я ему... И больной сталъ болѣе устойчивымъ на ноги. Въ теченіе нѣсколькихъ сеансовъ удалось достигнуть блистательнаго эффекта. Онъ началъ питаться мясомъ, сталъ упражняться въ ходьбѣ.

Спустя мѣсяцъ, никто не узналъ бы въ этомъ юношѣ прежняго больного, живого скелета, лежавшаго болѣе 10 лѣтъ и выросшаго въ своей постели.

Время отъ времени я получаю изъ Бѣлостока извѣстія о его здоровьѣ. Онъ теперь совершенно здоровъ и занимается своимъ дѣломъ.

Относительно эпилепсіи (падучей болѣзни). Путемъ внушенія можно достигнуть лишь облегченія припадковъ, сдѣлать ихъ короче и болѣе рѣдкими.

Эпилепсія — болѣзнь, имѣющая причину органическую и, какъ таковая, не можетъ быть вполнѣ излѣчена внушеніемъ, но путемъ послѣдняго можно устранить обстановку и тѣ причины, которыя дѣйствуютъ на больного, вызывая у него и усиливая припадокъ. Очень часто безсознательный онанизмъ во время сна является ближайшею причиною появленія припадка. Этотъ ужасный порокъ, проявляющійся иногда съ ранняго даже дѣтства, съ успѣхомъ лѣчится внушеніемъ.

Военный инженеръ, полковникъ
А. Григоренко,
герой Портъ-Артура, награжденный орденомъ св. Георгія.

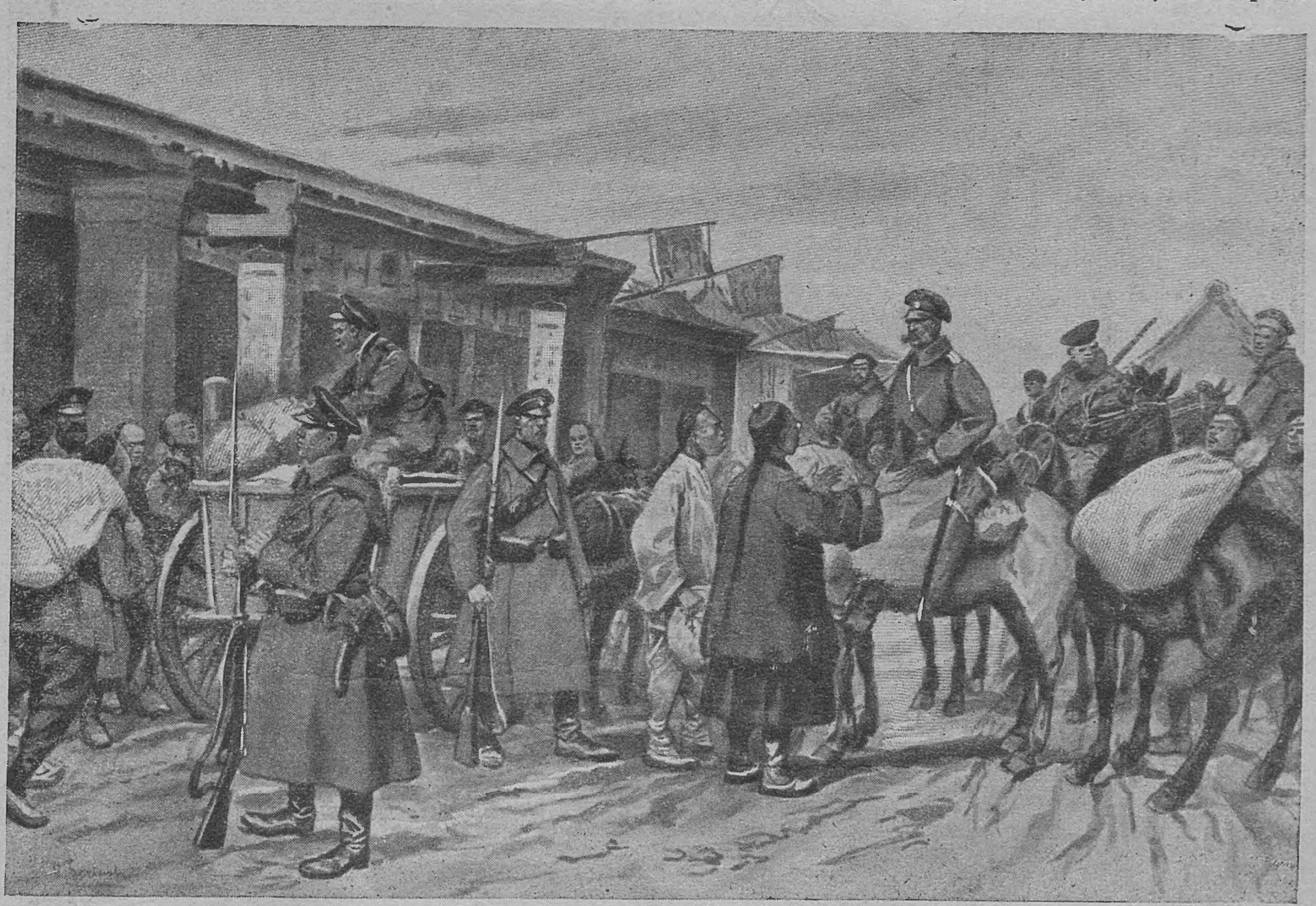

Подполковникъ 54-го пѣхотнаго минскаго полка
баронъ А. Гейкинъ,
раненъ въ бою у Сандепу.

Относительно пляски св. Витта не можетъ быть никакого сомнѣнія. Многочисленныя наблюденія практиковъ-врачей показываютъ, что внушеніе безусловно излѣчиваетъ эту болѣзнь. У профессора Бернгейма, Льебо, Фореля, Ветерштранда упоминается масса случаевъ въ этомъ родѣ.

Какъ на характерный случай подобнаго примѣненія внушенія, укажу свой случай въ г. Екатеринославлѣ въ 1894 году.

Больная г-жа П. съ 8 лѣтняго возраста стала страдать припадками хореи (пляска св. Витта) въ кисти лѣвой руки, которая съ теченіемъ времени все усиливалась и распространялась на всю лѣвую половину тѣла, съ потерею созна-

Отступленіе къ сѣверу отъ Мукдена. — Продовольственные отряды увозятъ запасы.
Съ наброска нашего корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

нія во время остраго наступленія припадка. Съ выходомъ замужъ больной у нея стали появляться страшные припадки истеро-эпилепсіи.

Въ обыкновенное время лѣвая рука была согнута и закоченѣла, точно также пальцы руки были сжаты въ кулакъ и въ этой рукѣ наступила полная атрофія мышцъ. Къ этому присоединились и нѣкоторыя душевныя ненормальности, напр., боязнь общества, боязнь умываться (больная около 4-хъ лѣтъ не мыла лѣвой стороны тѣла), частыя потери осязанія, сильнѣйшее сердцебіеніе и т. п. Въ последнее время у нея развились навязчивыя идеи; ее преслѣдовала постоянно мысль о самоубійствѣ.

Весною 1894 года я примѣнилъ къ ней гипнозъ. Она была загипнотизирована послѣ нѣсколькихъ сеансовъ. Въ глубокомъ гипнотическомъ снѣ я сдѣлалъ ей соотвѣтствующія внушенія.

По пробужденіи, она сейчасъ же разогнула руку, исчезли у нея какъ истеро-эпилептическіе припадки, такъ и судорожныя подергиванія лѣвой половины тѣла. Я внушилъ ей забыть о всѣхъ тяжелыхъ впечатлѣніяхъ во время болѣзни и, напротивъ, внушалъ ей бодрость духа, энергію, любовь къ обществу и вообще прекрасное самочувствіе, а главное, интересъ къ жизни.

О самоубійствѣ я ей строго запретилъ думать.

Время отъ времени я получаю свѣдѣнія о ней. Она совершенно здорова; прошло уже со времени лѣченія внушеніемъ больше 10 лѣтъ.

Гипнотическими внушеніями излѣчиваются невральгіи даже и неистерическаго происхожденія, вызванныя испортившимися зубами или простудой, и мигрени, представляющія собою частный видъ невральгіи.

Съ большимъ успѣхомъ внушеніе примѣняется къ страдающимъ писчей спазмой, страданіемъ руки, испытываемымъ пьяницами и людьми, которымъ приходится много писать, точно такъ же, какъ порожденная привычкою безсонница, не вызванная органическою болѣзнью мозга.

То же самое можно сказать и относительно недержанія мочи ночью. Изъ 77 дѣтей и взрослыхъ, мочившихся въ кровати, д-ръ Льебо приводитъ въ 1886 году 56 выздоровленій, 13 улучшеній и 8 отрицательныхъ результатовъ.

У меня лично имѣются наблюденія надъ 40 подобнаго рода больными. Изъ нихъ 28 выздоровѣло окончательно, у восьмерыхъ наблюдается улучшеніе, а у 4-хъ не получилось никакого результата, такъ какъ у послѣднихъ я не могъ добиться не только глубокаго гипнотическаго сна, но даже не было легкой внушаемости. Конечно, если бы удалось и у этихъ четверыхъ послѣднихъ получить желательное гипнотическое состояніе, то послѣдовало бы и у нихъ если не полное излѣченіе, то, навѣрное, улучшеніе.

О. Фельдманъ.

Въ мастерской скульптора Трубецкого.

Въ Петербургѣ, въ концѣ Невскаго, гдѣ нѣтъ блестящихъ магазиновъ съ заманчивыми выставками, гдѣ попроще дома и обыватели, гдѣ тише и сама жизнь, на какомъ-то пустырѣ пріютился огромный стеклянный павильонъ, рѣзко и сильно освѣщаемый по вечерамъ, а иногда даже и до глубокой ночи.

Это ателье извѣстнаго скульптора князя Павла Трубецкого.

Едва-ли не противъ входной двери на вертящемся станкѣ — гигантская лошадь съ такимъ же всадникомъ.

Чтобы имѣть приблизительное понятіе о величинѣ этого монумента, скажу, что разстояніе между передними и задними ногами лошади около двухъ саженъ!

Вы, конечно, уже догадались, что я пишу про монументъ Императору Александру III, про тотъ самый монументъ, который былъ не разъ уже описанъ и раскритикованъ, кстати сказать, вполнѣ несправедливо.

Когда появятся въ печати эти строки, видѣнный мной памятникъ уже будетъ „разрушенъ"—раздѣленъ на части, и начнется отливка формы для бронзы, на что уйдетъ, вѣроятно, мѣсяца два-три, а затѣмъ, через годъ, будетъ готовъ и самый памятникъ.

Тогда на такъ „преждевременно" огороженной Знаменской площади будетъ устроена красивая гранитная насыпь въ сажень, много полторы вышиною, и на ней установленъ монументъ.

Описанія прежнія не сойдутся въ деталяхъ съ настоящимъ.

На-дняхъ я видѣлъ монументъ въ „окончательномъ" видѣ.

Вылѣпленъ онъ артистически.

Конечно, детали не выработаны, но въ общемъ онъ производитъ удивительное впечатлѣніе.

Кто видѣлъ покойнаго Императора верхомъ, на парадахъ, тотъ особенно будетъ пораженъ схваченнымъ скульпторомъ сходствомъ.

Все въ этой работѣ обдумано, но нѣтъ ничего придуманнаго.

И въ этомъ ея достоинство: Александръ III какъ живой.

Лошадь удалась Трубецкому идеально.

Но про это ужъ говорить не приходится.

Скульпторъ извѣстенъ своей лѣпкой животныхъ, которыхъ онъ положительно обожаетъ.

Кстати, по мастерской свободно гуляетъ „мишка", нѣсколько волковъ, сибирскія лайки, кролики, олень...

Вся эта разношерстая компанія живетъ дружно, и они любятъ своего хозяина, который, между прочимъ, выучилъ „мишку" играть на піанино.

Осматривая другія работы князя, я обратилъ вниманіе на прелестную группы „дѣвочка и медвѣдь", „амазонка", „натурщица" и цѣлый рядъ другихъ, которыхъ нѣтъ мѣста пересчитать въ этой короткой замѣткѣ.

По окончаніи памятника, Трубецкой предполагаетъ уѣхать за границу, гдѣ работать и легче, и пріятнѣе, чѣмъ въ нашемъ безсолнечномъ городѣ...

Трубецкой—оригинальнѣйшее явленіе нашего вѣка.

Среди князей онъ является скульпторомъ, среди скульпторовъ—княземъ.

Русскій по происхожденію, онъ едва, едва говоритъ по-русски, но заставляетъ говорить воскъ, мраморъ и бронзу.

Это еще труднѣе, чѣмъ говорить самому...

Н. М—въ.

Новые мемуары о маркизѣ Помпадуръ.

(Записки директора Версальскаго музея).

Новая книга директора Версальскаго музея Pierre Nolhac'a, посвященная исторіи послѣдняго періода дореволюціонной Франціи, представляетъ значительный интересъ. Авторъ, въ распоряженіи котораго находились частью неизданные еще документы, письма, мемуары, судебныя и нотаріальныя дѣла, устанавливаетъ, что еще задолго до сверженія „стараго режима" и формальнаго перехода власти отъ дворянства къ третьему сословію, буржуазія фактически успѣла уже завоевать выдающееся положеніе въ обществѣ, представляла реальную силу, съ которой дворянство и правящій классъ должны были не только считаться, но и, видимо, оказывались безсильными бороться. Во всѣхъ областяхъ жизни, гдѣ доставляютъ преимущества интеллигентность, работоспособность и богатство, буржуазія, не въ видѣ исключенія, какъ отдѣльныя личности, а какъ цѣлый классъ, заняла прочное положеніе и тѣснила полуразоренное и вырождавшееся дворянство по всей линіи. Уже ко времени Людовика XV-го самыя лучшія имѣнія, лучшіе замки и дома, наиболѣе доходныя предпріятія находились въ рукахъ буржуазіи, отдѣльные представители которой пріобрѣтали не только землю, титулы, званія и должности, прежде составлявшія почти исключительную прерогативу дворянства, но завоевывали шагъ за шагомъ находившіяся въ рукахъ высшаго сословія политическія права.

Этотъ историческій фактъ огромнаго общаго значенія хорошо обоснованъ авторомъ, и получаетъ характеръ серьезнаго довода въ пользу воззрѣній исторической школы, разсматривающей общественную эволюцію съ точки зрѣнія борьбы классовъ. Если правда, что буржуазія представляла уже реальную и организованную общественную силу задолго до революціи, то, очевидно, что послѣдняя лишь завершила и закрѣпила порядокъ вещей, естественно сложившійся въ обществѣ и государствѣ въ теченіе долговременной мирной эволюціи. Конечно, то обстоятельство, что великая французская революція сыграла такую огромную роль въ жизни Франціи,—и не одной только Франціи,—заставляло думать даже самыхъ далекихъ отъ теоріи борьбы классовъ историковъ, что революція нашла „благопріятную почву", что вѣками накапливался горючій матеріалъ, вспыхнувшій огромнымъ пожаромъ, когда произошло столкновеніе обветшавшаго и изжившаго себя дворянства съ полными силъ представителями „новыхъ идей". Но большая разница, разсматривать ли это столкновеніе, какъ результатъ противоположныхъ идей, или самыя идеи,—какъ порожденіе жизненныхъ интересовъ сознавшаго уже свою силу класса. И нужно сказать, что ярко освѣщенная Nolhac'омъ мысль о томъ, что буржуазія была уже реальной, сложившейся классовой силой во времена Людовика XV-го, является желаннымъ дополненіемъ нашихъ свѣдѣній о разсматриваемой эпохѣ, освѣщенію которой, во всякомъ случаѣ, оно должно содѣйствовать.

Частнымъ вопросомъ, хотя и наиболѣе полно разработаннымъ въ книгѣ Nolhac'a, на основаніи до сихъ поръ необнародованныхъ мемуаровъ герцога de Croy, писемъ банкира Париса (Pâris), маркиза Бретейля и актовъ о процессѣ Франца Пуассона, является роль маркизы Помпадуръ.

Нельзя сказать, чтобы авторъ занялся полной реабилитаціей метрессы Людовика XV, историческій портретъ которой, насколько рѣчь идетъ объ ея внутреннихъ качествахъ, довольно таки мраченъ... Авторъ правильно и объективно посмотрѣлъ на свою задачу и, на основаніи неиспользованныхъ еще до него источниковъ, пришелъ къ заключенію, что г-жа Помпадуръ была лишь дочерью своего вѣка, причемъ еще обладала рядомъ чисто человѣческихъ достоинствъ; онъ не убоялся, въ разрѣзъ съ господствующимъ мнѣніемъ, изобразить всемогущую фаворитку въ болѣе мягкомъ и согласномъ съ исторической перспективой свѣтѣ.

Въ соотвѣтствіи съ этой своей задачей, авторъ прежде всего напоминаетъ, что ко времени Людовика XV, при французскомъ, какъ и другихъ, впрочемъ, дворахъ, положеніе оффиціальной королевской метрессы во всѣхъ

отношеніяхъ напоминало настоящую придворную должность. Личность фаворитки не отдѣлялась даже въ представленіи отъ личности короля; она слѣдовала за королемъ въ его путешествіяхъ, присутствовала на пріемахъ пословъ, министровъ, жила во дворцѣ короля, получала содержаніе наравнѣ съ другими придворными чинами. Положеніе метрессы было очень выгодно, доставляло огромное вліяніе, и немудрено, что и дамы изъ высшаго общества не прочь были пойти въ метрессы.

Когда въ 1745 г. „должность" метрессы христіаннѣйшаго короля оказалась вакантной, кандидатками выступили герцогиня Лорагэ (Lauraguais) и принцесса Роганъ. Но король прямо заявилъ, что не желаетъ метрессы изъ высшаго дворянства, опасаясь отличающихъ женщинъ этой категоріи непріятныхъ качествъ — надменности, жадности, стремленія къ власти и политическимъ интригамъ. Королю захотѣлось, для разнообразія, взять метрессу изъ буржуазіи, и выборъ его, дѣйствительно, палъ на прекрасную Le Norman d'Etioles, которая, такимъ образомъ, отвоевала эту важную „должность" у дамъ высшаго свѣта, что не мало польстило тщеславію всего буржуазнаго класса.

Отецъ ея, Францъ Пуассонъ, былъ сынъ бѣднаго бургундскаго ткача. На службѣ у извѣстныхъ хлѣботорговцевъ и поставщиковъ того времени, братьевъ Paris, онъ выказалъ себя дѣльцомъ, и въ 1725 г., когда по всей странѣ свирѣпствовалъ голодъ, Пуассонъ взялъ на себя снабженіе Парижа съѣстными припасами. Это предпріятіе, однако, окончилось плачевно для подрядчика: его обвинили въ злоупотребленіяхъ, признали должникомъ на сумму въ 200,000 ливровъ, конфисковали его имущество, и онъ самъ долженъ былъ эмигрировать въ Германію. Есть даже указанія на то, что надъ Пуассономъ тяготѣлъ приговоръ къ смертной казни... Его жена, Мадлэнъ де-ла-Моттъ, одна изъ красивѣйшихъ женщинъ своего времени, нашла покровителя въ лицѣ генеральнаго откупщика Ле-Нормана де-Турнэмъ. Онъ позаботился о дѣтяхъ своей подруги, причемъ далъ особенно тщательное воспитаніе ея дочери, Жаннѣ-Антуанеттѣ, равно обнаружившей, наряду съ необыкновенной красотой и граціей, выдающіяся умственныя качества. 20 лѣтъ отъ роду будущая маркиза Помпадуръ, которой, оказывается, уже въ дѣтствѣ была предсказана „блестящая" судьба, была выдана замужъ своимъ попечителемъ Турнэмомъ за его племянника Шарль-Гильома Ле-Нормана д'Этіоль.

Красавица, образованная и даровитая молодая женщина не захотѣла примириться съ блѣднымъ существованіемъ въ замкѣ своего мужа въ провинціи и мечтала о роли въ высшемъ обществѣ. Случай привелъ короля на охоту въ окрестностяхъ замка д'Этіоля, и молодая женщина сумѣла рядомъ „случайныхъ" встрѣчъ съ королевской охотой закрѣпить впечатлѣніе, произведенное ею на Людовика XV съ перваго же раза.

Мы опускаемъ подробности „завоеванія" г-жей д'Этіоль должности метрессы и переходимъ ко времени, когда она получила уже всеобщее признаніе. Авторъ отмѣчаетъ, что новая метресса, несмотря на то, что вначалѣ имѣла противъ себя партію ханжей, не могшихъ ей простить ея „вольнодумства", и всю аристократію, возстановленную тѣмъ, что она одержала побѣду надъ герцогиней и принцессой, вскорѣ сумѣла привлечь всеобщія симпатіи. Достигла она этого, прежде всего, своими недюжинными личными качествами. Такъ, Cheverny писалъ о ней: „Это женщина, которую каждый пожелалъ бы себѣ въ спутницы жизни. Она высока ростомъ, но не слишкомъ; прекрасно сложена, съ круглымъ лицомъ и правильными чертами лица, прелестнымъ цвѣтомъ кожи, восхитительными руками. Но что особенно поражаетъ—это ея глаза, не слишкомъ большіе, но съ такимъ выраженіемъ, блескомъ, преисполненные такого ума и огня, что не было другой женщины, которая могла бы съ ней сравняться". Очень строгій въ своихъ отзывахъ и приговорахъ Барбье превозноситъ таланты фаворитки — ея искусство пѣть, ея умѣнье ѣздить верхомъ, грацію, съ какой она держалась на лошади; онъ съ похвалой отзывается объ ея образованности и воспитанности. Ея недюжинный умъ охватывалъ всѣ области знанія, и только ея интеллектуальныя качества сдѣлали возможнымъ вознесеніе на небывалую высоту ея, во всякомъ случаѣ, щекотливаго положенія.

Авторъ особенно подчеркиваетъ тактъ и доброту маркизы Помпадуръ, проявившіяся въ отношеніяхъ ея къ королевѣ. Предшественницы фаворитки, въ особенности, сестры Nesles, проявили столько безстыдства въ отношеніи къ королевѣ Маріи Лещинской, что это не могло не возмущать всѣхъ окружающихъ короля. Наоборотъ, „маркиза Помпадуръ— свидѣтельствуетъ Бово (de Beauveau) — постоянно оказывала королевѣ самое почтительное вниманіе. И это поведеніе добродушной, вышедшей изъ буржуазнаго круга женщины, пріобрѣло ей всеобщія симпатіи. Самъ король, на котораго одинаково легко было вліять и въ хорошую, и въ дурную сторону, сталъ лучше относиться къ королевѣ, и это не безъ основанія разсматривалось всѣми, какъ проявленіе добраго сердца фаворитки". Королева и метресса общались между собою, какъ двѣ равнопоставленныя при дворѣ особы. Маркиза посылала королевѣ цвѣты, при всякомъ удобномъ случаѣ освѣдомлялась объ ея здоровьѣ, старалась угодить ея вкусамъ въ уборкѣ комнатъ королевы въ версальскомъ дворцѣ. Маркиза приложила старанія къ тому, чтобы король заплатилъ долги королевы, достигшія значительной цифры, благодаря увлеченію, съ какимъ Марія Лещинская предавалась дѣламъ благотворенія. А главное, фаворитка пользовалась всѣмъ своимъ вліяніемъ, чтобы поддерживать доброе согласіе между царственными супругами. Послѣ долгихъ лѣтъ, Марія Лещинская, впервые при маркизѣ Помпадуръ, получила подарокъ отъ короля. Подарокъ этотъ—художественной работы золотой ларецъ съ часами, вдѣланными въ крышку,—предназначался, впрочемъ, первоначально для умершей незадолго до того матери фаворитки...

Несмотря на добродушіе короля и легкость, съ какой его можно было склонить, на что угодно,—а, можетъ быть, именно вслѣдствіе этого—всецѣло завладѣть и управлять имъ было очень трудно. И все же это удалось сдѣлать прекрасной, обуреваемой огромнымъ честолюбіемъ маркизѣ Помпадуръ, которая въ теченіе цѣлыхъ 20-ти лѣтъ непрерывно оставалась повелительницей короля и черезъ него —повелительницей Франціи. Извѣстны ея усилія къ поднятію на возможно высокій уровень литературы и искусства; эта сторона дѣятельности маркизы Помпадуръ нашла всеобщее признаніе. Гораздо менѣе удачна была ея роль въ политикѣ и управленіи. Въ особенности несчастіе преслѣдовало ее въ выборѣ генераловъ. Аахенскій миръ (1749 г.), заключенный, по ея настоянію, вызвалъ въ Парижѣ огромное недовольство, такъ какъ реальныя выгоды, доставленныя имъ Франціи, не находились ни въ какомъ соотвѣтствіи съ жертвами, принесенными страной въ эту войну.

Этотъ миръ далъ поводъ къ первымъ уличнымъ манифестаціямъ противъ маркизы, которую осыпали упреками въ стремленіи къ роскоши и расточительности и называли „la gueuse du roi". Авторъ цитируетъ весьма замѣчательное письмо фаворитки къ Вольтеру, относящееся къ политическому событію дня.

Приводимъ цѣликомъ это мѣсто:

„Я съ глубочайшимъ презрѣніемъ отношусь къ позорнымъ выходкамъ, направленнымъ противъ меня. На меня обрушиваются за то, что я приложила всѣ усилія къ заключенію мира, способствующаго счастью человѣчества. Пусть меня сколько угодно осыпаютъ несправедливыми упреками,—я никогда не стану раскаиваться въ томъ, что сдѣлала на благо тѣхъ, кто теперь забрасываетъ меня грязью".

Вольтеръ на это отвѣчалъ:

„Счастье Европы начинается съ момента заключенія этого мира. Будетъ день, когда съ величайшимъ изумленіемъ узнаютъ, что этимъ дѣломъ обязаны вліянію молодой высокопоставленной дамы, прославившейся своей красотой, своими выдающимися способностями, своимъ умомъ и завиднымъ положеніемъ. Судьба Европы захотѣла, чтобы эта изнурительная война, начатая женщиной *), была прекращена женщиной-же. Страданія и несчастія, вызванныя первой, устранены второй".

Не безынтересны подробности, сообщаемыя авторомъ о заботахъ, проявленныхъ маркизой Помпадуръ по отношенію къ своимъ роднымъ. Конечно, фаворитка, видимо, не задавалась мыслью о томъ, насколько великія и богатыя милости, сыпавшіяся на ея совершенно реабилитированнаго особымъ королевскимъ указомъ отца, на ея брата, на попечителя и даже на мужа, отягощаютъ и безъ того полуразоренную Францію, но справедливость требуетъ сказать, что маркиза Помпадуръ и въ этомъ отношеніи была признана лишь дочерью своего вѣка, а по сравненію съ прежними фаворитками, и въ особенности—съ затѣями фавориток Людовика XIV, траты Помпадуръ на ея родныхъ и близкихъ представляются даже очень скромными. Къ тому-же во всѣхъ своихъ тратахъ маркиза, какъ детально выясняетъ авторъ, руководилась либо своимъ добрымъ сердцемъ, дѣлавшимъ ее и доброй родственницей, либо желаніемъ поддержать людей талантовъ и дарованій, но никогда—погоней за низменными наслажденіями.

Маркиза Помпадуръ съ годами стала терять въ глазахъ короля свое значеніе, какъ женщина; страсть его теряла въ напряженіи и силѣ, но не слабѣло вліяніе фаворитки, успѣвшей упрочить за собой положеніе незамѣнимаго друга. Какъ только король освобождалъ ее отъ своихъ оффиціальныхъ обязанностей, онъ подымался по потайной лѣстницѣ къ маркизѣ, обладавшей удивительнымъ искусствомъ развлекать „наиболѣе одолѣваемаго скукой во всей Франціи человѣка".—„Какъ быстро проходитъ время!" часто говаривалъ король въ обществѣ маркизы, и это было ея высшимъ тріумфомъ. Она изучила всѣ его желанія, капризы и слабости, все принимала въ расчетъ и этимъ удерживала его при себѣ. Со стѣсненнымъ сердцемъ,—такъ какъ маркиза Помпадуръ, несомнѣнно, искренно любила короля, какъ женщина,—она, зная, какъ ему нравятся красивыя женскія лица, привлекала въ свою свиту всѣхъ выдающихся красавицъ своего времени. Маркиза мирилась даже съ измѣнами короля, участившимися за послѣдніе годы, лишь бы сохранить свое вліяніе, лишь бы не потерять короля совсѣмъ. Но она чувствовала, что легкомысленный король внутренно охладѣваетъ къ ней. И для нея было маловажнымъ утѣшеніемъ дарованіе ей въ концѣ 1752 г. титула герцогини, „съ тѣмъ" —какъ было сказано въ королевскомъ рескриптѣ—„чтобы выразить ей наше особен-

*) Королевой Маріей Терезіей.

Начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, дѣйств. ст. сов.
А. В. Бельгардъ.
(Со снимка нашего фотографа).

Подполковникъ 12-го великолуцкаго полка
Р. Рейнботъ,
раненый при деревнѣ Синшипу.

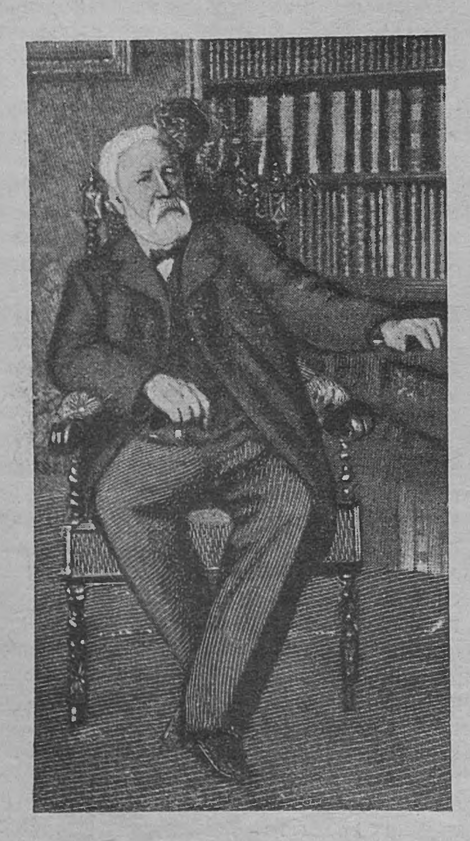
Докторъ Д. Д. Мгеладзе,
герой Портъ-Артура.

ное, искреннее уваженіе и признательность и поставить въ рангъ, выдѣляющій ее изъ среды остальныхъ придворныхъ дамъ". Такимъ образомъ, дочь болѣе чѣмъ скромнаго дѣльца Пуассона стала „très haute et très puissante dame, duchesse marquise de Pompadour", и мѣсто ея во всѣхъ случаяхъ было непосредственно послѣ короля и королевы...

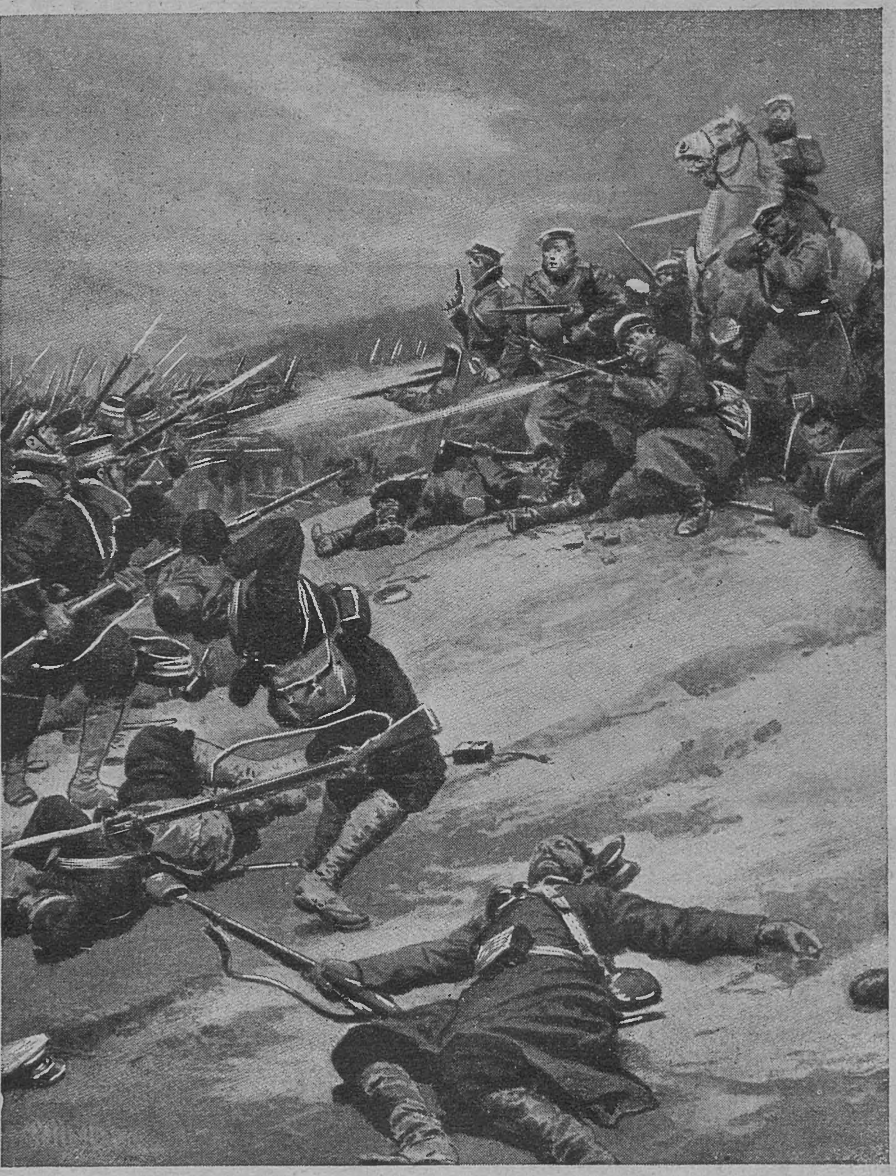
Послѣ этого Помпадуръ еще 12 лѣтъ царила при французскомъ дворѣ, удерживая свою нелегкую позицію всею огромною силою своей воли и честолюбія.

Такимъ образомъ, поправка, которую вноситъ въ изображеніе интересной исторической фигуры маркизы Помпадуръ Pierre Nolhac, заключается въ слѣдующемъ: фаворитка Людовика XV, движимая непомѣрнымъ честолюбіемъ, фактически управляла Франціею въ теченіе 20 лѣтъ, оставаясь дочерью своего вѣка; но въ ней, какъ въ характерѣ, вовсе не было столько темныхъ сторонъ, какъ это изображаютъ обѣ категоріи ея противниковъ—духовенство и люди великой революціи.

Парижъ. S

Жюль Вернъ.
(† 11-го марта).

Мукденскій бой. — Отрядъ генерала Ренненкампфа задерживаетъ наступленіе превосходныхъ силъ непріятеля.
Съ наброска итальянскаго корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (С. М. Проппера), Спб., Мѣщанская ул., соб. д., 25. Редакторъ-издатель „Биржевыхъ Вѣдомостей" С. М. Проппѣръ.